

С 70-летием Великой Победы!

СТАЛЬ

ИЗДАЕТСЯ С 1930 ГОДА

· Вторник, 28 апреля 2015 года · № 3-4 (2765-2766) ·

ГАЗЕТА УЧЕНОГО СОВЕТА И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МИСиС

Дорогие студенты, преподаватели, сотрудники НИТУ «МИСиС»!

Поздравляю вас с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне!

Мы всегда будем помнить судьбоносные годы, когда наши деды и прадеды встали на защиту Родины. Спасибо им за мирное небо, за жизнь, за счастье, за нашу страну, за миллионы жизней, которые они спасли. Их ратный подвиг и труд в тылу, приближавшие победу, были и остаются для нас примером величайшего мужества, стойкости и самопожертвования. Их Победа всегда будет в памяти людей, живущих на нашей земле.

День 9 мая всегда был настоящим праздником, и, несмотря на прошедшие десятилетия, он и сегодня объединяет нас. В этот день мы как никогда чувствуем свою сплоченность и ощущаем себя не просто единой нацией, но – народом-победителем! С Днем Победы!

Ректор НИТУ «МИСиС» А.А. ЧЕРНИКОВА

ПАМЯТЬ

ИМ ОБЯЗАНЫ ПОБЕДОЙ

В День памяти первого директора Московского института стали Авраамия Павловича Завенягина состоялось возложение венков к могилам наших знаменитых выпускников, захороненных в Кремлевской стене.

Возложение цветов к могилам А.П. Завенягина и И.Ф. Тевосяна у Кремлевской стены накануне Дня Победы давно стало доброй традицией нашего вуза. В этом году в нем приняли участие студенты, сотрудники, партнеры и почетные гости НИТУ «МИСиС», родственники А.П. Завенягина – внучка Алиса и правнук Никита.

Президент университета Ю.С. Карабасов рассказал студентам о жизни Авраамия Павловича, напомнил о его выдающейся роли в становлении отечественной промышленности, прежде всего развитии Магнитогорского и строительстве Норильского металлургических комбинатов, создании атомной отрасли.

Дружеская беседа продолжилась в стенах университета за чашкой чая, на вечере, посвященном вкладу наших металлургов в Победу в Великой Отечественной войне. Сотрудники Музея истории МИСиС познакомили гостей с экспозицией о Пьере Мартене и электронными архивами, рассказали о значении мартеновских печей в военные годы. Живое участие в разговоре принимали не только преподаватели, но и гости вечера, которые вспомнили много интересных фактов из жизни министра цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако и министра металлургической промышленности СССР И.Ф. Тевосяна.

Во время музыкальных пауз артисты Дома культуры читали замечательные стихи выпускников и сотрудников нашего университета о Победе, пели песни военных лет: «Эх, дороги», «Темная ночь», «Синий платочек...».

В холле главного корпуса в это же время проходила демонстрация мультимедийных презентаций студентов, участников конкурса «Моя семья в годы Великой Отечественной войны».

Юлия СТОЛБОВА

У нынешних студентов воевали прадеды, то есть люди, которых они не видели. Для них ветераны – это фотокарточки в семейном альбоме. И война – примерно то же, что для нас Брусиловский прорыв. Неживая история. Да – уважение, да – родство, да – чувство сопричастности. Но – не живое, умозрительное.

Именно поэтому мы в этом номере постарались по максимуму предоставить слово тем, для кого война стала частью жизни. Пусть говорят они – люди, видевшие войну своими глазами. Знаете, была примечательная награда в нашей истории – все участники Чесменского боя получили медали, где было отчеканено одно слово: «Был». Так вот, все, кто будет делиться воспоминаниями – они там были.

Услышав свидетелей событий, ты, читая про создание дивизии ополчения, уже начинаешь понимать, что же тогда происходило. Тогда, осенью 1941 года, мы – как казалось всему миру – уже безнадежно проиграли войну. Окружение за окружением, «котел» за «котлом», немцы прут вперед, как на параде. Люди растеряны, в Москве паника. В страшном «Вяземском котле» в окружении оказались четыре армии, погибло более 380 тысяч чело-

70-летие Победы в Великой Отечественной войне – это не просто круглая цифра. Временной промежуток в 70 лет означает, что восприятие войны в нашем обществе начинает меняться.

Давайте скажем честно – у нас не было шансов выиграть ту войну, по всем параметрам. Нельзя голыми руками остановить вражеский танк, это может сделать только твой танк. Война – это в первую очередь экономика. Что у нас было со сталью для танков? А плохо было. Очень плохо, совсем. Мы проигрывали врагу даже до войны: в 1940 г. СССР выплавил 18 млн. тонн стали, а Германия с сателлитами – 25,1 млн, в 1941 г. – уже 31,8 млн тонн. А мы в 1941 г. потеряли территории с главной базой нашей металлургии, где выплавлялось 64,7% чугуна и 56% стали страны. В 1942 г. производство стали в СССР сократилось до 8,1 млн тонн.

Чудес не бывает, после таких ударов не встают. Чудес не бывает, но бывают подвиги. Эти сухие цифры лучше всего позволяют понять, что же совершили

в те годы выпускники нашего университета. Только один пример – в начале войны мы потеряли все действующие марганцевые рудники. Но имелись разведанные еще до войны два месторождения – в Казахстане и на Северном Урале. И горняки в невиданные в мировой практике сроки запускают добычу. На Джезказганское месторождение только в мае 1942 г. стали поступать оборудование и материалы, а к декабрю построенный рудник уже дал 83 тыс. тонн руды. Металлурги не в песне, а в жизни годами жили в режиме «дни и ночи у мартеновских печей».

Мы просто пошли против правил. Мы не сдались, хотя сопротивление казалось бессмысленным, и начали отбиваться с безвозвратностью отчаяния. Дрались насмерть, не жалея никого, и себя – в первую голову. Мы превратили в военный лагерь всю страну, и слова

«все для фронта, все для победы» были никаким не лозунгом, а максимально корректным описанием происходящего. Мы уперлись на разрыв сухожилий – и совершили невозможное. Выстояли. Победили.

Да, заплатив за это страшную, немислимую цену. Только один факт – по статистике, среди фронтовиков 1922-1924 гг. рождения, тех, кого призвали первыми, в живых остались 3%. И Юлия Друнина, первая красавица школы, ушедшая на фронт после выпускного вечера, напишет позже об одноклассниках страшные строки:

Над ними ветра и рыдают, и пляшут,
Бормочут дожди в темноте.
Спят наши любимые, мальчики наши,
А нас обнимают не те...
Одни – помоложе, другие – постарше.
Вот только ровесников нет.
Спят наши ровесники, воины наши –
Им всем по семнадцать лет.

Стихи и рассказы выпускников и сотрудников нашего вуза, которые мы публикуем сегодня, конечно, не столь профессиональны. Но они от тех, кто был.
Слушайте их. Им есть что сказать.

Вадим НЕСТЕРОВ

Были и не были

**И когда над ними грянул смертный гром
Трубами районного оркестра,
Мы глотали звуки ярости и муки,
Чтоб хотя бы музыка воскресла.
Вспомните, ребята! Вспомните, ребята!
Разве это выразить словами,
Как они стояли у военкомата
С бритыми навечно головами!**

Д. Сухарев

Дивизия № 1

Последний довоенный номер газеты «Сталь» – от 20 июня 1941 г. – заканчивался словами: «До начала летних каникул осталось 10 дней. По истечении этого срока студенчество нашего института и профессорско-преподавательский коллектив уйдут на заслуженный отдых, с тем, чтобы со свежими силами 1 сентября 1941 г. начать новый учебный год».

И лето, и каникулы, и «заслуженный отдых» – все перечеркнула война. И сентябрь у студентов и преподавателей выдался совсем иным.

На защиту столицы летом 1941-го поднялись все, кто мог носить оружие. В течение четырех суток в Москве было создано 12 дивизий народного ополчения. 1-я Московская дивизия народного ополчения Ленинского района формировалась в первые дни июля на Ленинском проспекте (в то время – Большой Калужской улице) на территории Московского горного института. В память об этом на фасаде Горного института НИТУ «МИСиС» размещена мемориальная доска.

В первые дни в ополчение вступили 12 тысяч человек, в их числе студенты, преподаватели и научные работники институтов – горного, стали, цветных металлов и золота, нефтяного и текстильного.

Одним из организаторов дивизии был заведующий военным отделом, второй секретарь райкома **С.Я. Гуревич**, выпускник МИС, в будущем – доцент кафедры философии. Занятия по боевой подготовке проводились с ополченцами во дворе МГИ и в ЦПКИО.

На рассвете 9 июля 1941 года дивизия походным маршем прошла по улицам столицы, направляясь в район строительства оборонительных сооружений под Москвой. В конце июля дивизия вошла в состав 33-й армии Резервного фронта, а затем была переименована в 60-ю стрелковую.

4 октября, продвигаясь в направлении Вязьмы, она попала в окружение. Трагично сложилась судьба политотдела, в состав которого входили сотрудники института стали **И.Ф. Гликин**, доцент кафедры металловедения и термической обработки **В.А. Нарамовский**, доцент-прокатчик **С.И. Сафонов**. Выходя из окружения, они попали в деревню, занятую фашистами, и были расстреляны. Другие части личного состава дивизии с ожесточенными боями сумели вырваться из вражеского кольца.

В октябре-декабре дивизия вела тяжелые оборонительные бои в районе Спас-Демненка, вдоль реки Протвы. Усилиями 60-й, 194-й и 5-й гвардейской стрелковых дивизий наступление противника было остановлено на рубеже деревень Буриново – Воронино – Синятино – Боровна – Кременки – Юратино – Дракино. В этих боях погибло около трех тысяч наших бойцов.

Кременки стали символом героической обороны Москвы на этом направлении. В 1967 году в Кременках в память о погибших воинах был воздвигнут мемориал воинской славы. В 1991 г. рядом с мемориалом поисковики установили плиты с фамилиями павших бойцов, в их числе есть и добровольцы из наших институтов.

В ходе контрнаступления 27 декабря 60-я дивизия освободила город Высокиничи. В последующие военные годы ее солдаты и офицеры сражались на Орловщине и Курской дуге, форсировали Днепр, вели бои за Белоруссию и Украину, участвовали в освобождении Польши, прорыве обороны противника в Померании и наступлении на Берлин.

За боевые подвиги дивизия была награждена орденами Красного Знамени и Суворова 2-й степени, а за освобождение Севска и Варшавы дивизию стали именовать Севско-Варшавской. Ее орденосные полки стали называться Пражскими и Померанскими. На знаменах дивизии и частей было 13 боевых орденов Советского Союза. Около 9 тысяч воинов дивизии награждены орденами и медалями СССР, 40 бойцам и командирам присвоено звание Героя Советского Союза.

Людмила БАБАДЖАНЫН, Олег ИВАНОВ

«Твой папа тебя крепко целует...»

Накануне празднования 70-летия Великой Победы в редакцию «Стали» обратилась дочь выпускника Московского института стали им. И.В. Сталина 1934 года Ивана Григорьевича Чичерюкина – Татьяна. Она специально приехала в Москву из-за границы, чтобы передать папку с аккуратно собранными письмами и документами отца в Музей истории НИТУ «МИСиС». 35-летний Иван Чичерюкин по личному заявлению 22 июня 1941 года вступил в ряды Красной Армии. С войны он не вернулся.

В 1930 году Московский областной Совет профессиональных союзов командировал «профтысячника» И.Г. Чичерюкина «в счет представленных мест» для зачисления в Московский институт стали им. И.В. Сталина. Ставший едва ли не родным гараж Мосздравотдела, где Иван трудился шестой год, пришлось сменить на учебники и парты. Пройдя курс рабфака, он поступил на металлургическое отделение, в группу С-30-М. Пожелтевший студенческий билет со слегка потрескавшейся черно-белой фотографией, учетная книжка, копия диплома из архива университета, бережно сохраненные родными, передают скудные сведения о годах учебы.

В 1934-м Иван стал «инженером-металлургом по сталелитейной специальности», и свежеспеченного «мартеповца» принял молодой Кузнецкий металлургический комбинат. Через год жена Аня подарила ему дочку Марину, а через четыре года – Татьяну.

Перед Великой Отечественной войной семья Чичерюкиных возвращается в Москву. Жили на улице Пушкинской (ныне – Большая Дмитровка), дом 4/2, квартира 28. Именно там Анна с дочками, отказавшись от эвакуации, прожила все военные годы. Однажды бомба попала в здание, стоящее напротив Большого театра, ударной волной у них в квартире выбило все окна. Ночами гасили на крыше «зажигалки». Сейчас на месте их старого дома располагается Новая сцена Большого театра.

22 ноября 1941 года «лейтенанту 308-го отдельного пулеметного батальона тов. Чичерюкину Ивану Григорьевичу» было выдано удостоверение от начальника штаба, подтверждающее, что он «принимал активное участие в формировании батальона и его операциях». А 6 декабря – справка о том, что он «действительно состоит в действующей

армии в 309 отд. пулеметном батальоне в должности командира взвода».

И вот полетели долгожданные письма с фронта.

«Здравствуй, Аня!

Письма твои я получаю, и почти всегда они доходят до меня за девять или десять дней. Другой раз я, правда, задерживаюсь писать вам, но это объясняется или переездом, или моим отъездом куда-либо в командировку...».

«Милая дочка! Посылаю тебе на память три открытки, надеюсь, что они тебе понравятся... Напиши, пожалуйста, что за погода сейчас стоит в Москве, у нас сейчас настоящая весна, снегу нет, светит яркое солнышко. Передай привет маме, бабушке и дяде Косте с Шустрой, Татьяночке. Пока до свидания. Твой папа тебя крепко целует».

«Ну а я на своих крошек никак не могу насмотреться и все удивляюсь, насколько они стали большие. Хотя бы на одну минутку посмотреть на вас в действительности. Пишите чаще и больше».

Последнее фронтное письмо датировано 28 февраля 1945 года. С наступлением весны письма от него внезапно прекратились. Но Чичерюкины не теряли надежды. Решили идти на Белорусский вокзал и встречать из Берлина эшелоны с победителями. Вдруг среди них окажется Иван? Татьяна Ивановна хорошо

помнит один из таких дней, 21 июля, – ей было уже 6 лет. Они с мамой пробыли в сквозь толпу, толкались, бежали, ходили, спрашивали, плакали, улыбались и потом еще долго-долго молча стояли на вокзале.

Спустя пару недель, в начале августа, в ответ на запрос Анны Алексеевны пришло короткое письмо от делопроизводителя военной части 03584: в марте 1945-го ее муж был переведен в другую часть. Вновь появилась надежда...

Но через два года, в мае 1947-го, в ответ на личное обращение к Сталину, Анна получила «сухую» справку из Свердловского райвоенкомата Москвы, что она является вдовой погибшего ст. техника-лейтенанта Чичерюкина И.Г.

Извещение от 11 ноября 1947 года, подтверждало предыдущее: «Ваш муж ст. тех. лейтенант Чичерюкин... в бою за Социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб в феврале 1945 года».

Анна Алексеевна не стало в 1985-м. Она не вышла снова замуж, все надеялась на чудо. Как Иван мог погибнуть в феврале, если, по документам, в марте он был переведен в другую часть? Где он похоронен? На эти вопросы Анне никто не ответил. Нет на них ответа и сейчас. Только благодаря проекту «Мемориал» появилась информация о последнем месте службы Ивана Григорьевича – 54-м отдельном «троф. бат».

Юлия СТОЛБОВА

Девушка на полторке

Война и юность, война и красота – понятия несовместимые, противоположные. Красивая, мягкая, хрупкая девушка Маша Марченкова, как и многие ее ровесницы, отдала свою молодость фронту, Великой Победе. Причем ее военная специальность была довольно необычной для девушки.

Мария Павловна родилась в деревне Лебедево Смоленской области и в 1938 году, окончив восьмой класс сельской школы, приехала в Москву с надеждой устроиться на работу и получить образование. Устроилась табельщицей в Институт цветных металлов и золота, жила в общежитии во дворе института. В 1941-м поступила на курсы медсестер, но учиться не пришлось – ее планы перечеркнула война.

Начались круглосуточные дежурства на крыше, таскали в ведрах песок, тушили зажигательные бомбы. Готовилась эвакуация института, демонтировалось оборудование, создавалась бомбоубежище в подвале. Когда бомба упала в пруд в Парке культуры, взрывной волной была разрушена выходящая к парку стена института. М.П. Марченкова работала и дежурила безотказно. В начале июня 1942-го вместе с подружкой пошла в военкомат – записаться добровольцами на фронт.

Вскоре им было предписано явиться на призывной пункт с необходимыми вещами – котелком, ложкой, кружкой, вещевым мешком. Собралось 20 девушек, их посадили в грузовую машину и повезли в школу, где на следующий день стали учить

на шоферов. А еще через два дня девушки отправились на практику, ездили по пустынным дорожкам вокруг стадиона «Динамо». Занятия продолжались месяц, а потом началась воинская служба. Марию Павловну назначили старшим командиром отделения 181 автотранспортного батальона в/ч 21388.

Машиной М.П. Марченковой была легендарная «полторка» ГАЗ-ММ с деревянной кабиной и брезентовыми дверями. Конструкция полторки была проста, как и все гениальное: ничего лишнего, простота в обслуживании и ремонте.

Летом и осенью 1942-го автотранспортный батальон Марии обслуживал подмосковные аэродромы во Внуково и Люберцах. Вместе с фронтом воинская часть передвигалась на запад. Мария Павловна доставляла к линии фронта снаряды, оружие, десантников. Была награждена медалью «За боевые заслуги». Зимой возила в осажденный Ленинград боеприпасы и продукты, а на обратном пути эвакуировала из блокадного города людей. Ленинградец, получивший блокадную пайку в 125 граммов хлеба, знал, что в этом кусочке жизни – мука, привезенная безымянными героями по ледовой «дороге жизни» на перегруженной сверх всех норм «полторке».

В феврале 1943 года часть была перебазируется в Вильнюс, и до Победы фронтальной шофер Мария Павловна несла свою службу здесь: под обстрелами и бомбежкой транспортировала парашютистов-десантников и раненых, обслуживала аэродромы, подвозила снаряды. Однажды во время вражеского налета на их колонну разбила первые машины, Мария Павловна была ранена осколком, пролежала в госпитале месяц и потом снова вернулась в свою часть. Она прекрасно знала свое дело, что подтверждает выданное ей удостоверение «Отличник-водитель».

А ранним утром 9 мая 1945-го в отделение пришел полковник Петров и сообщил девушкам об окончании войны. Реакцией девушек-победительниц были слезы. Демобилизовавшись через две недели, Мария поехала в свою родную деревню – навестить родителей, переживших немецкую оккупацию. А уже через месяц вернулась на работу в институт, где работала сначала шофером ректора, а с 1966 года до конца своей жизни – учебным мастером на кафедре физики кристаллов факультета ПМП.

Ольга КУГАЕНКО, с.н.с.кафедры МППИД

Юрий Васильевич родился 9 мая 1923 года. В 1938-м, девятиклассником, записался в аэроклуб. Это было время героев, покорителей воздушной стихии, время Валерия Чкалова, когда каждый мальчишка мечтал быть летчиком. Неудивительно, что, окончив в 1940 году 10 класс, Юра поступил в Первую чкаловскую военно-авиационную школу пилотов им. К.Е. Ворошилова (через 20 лет там будет учиться его тезка Юрий Гагарин). По ее окончании в 1942 году ему присвоили звание младшего лейтенанта и квалификацию пилота-бомбардировщика и направили в действующую армию. Юрий сражался на Калининском и Западном фронтах.

В 1943 году части, где воевали Юрий и его старший брат Александр (окончил Военно-воздушную академию имени Н.Е. Жуковского, стал специалистом по радиолокации и получил чин майора), оказались рядом.

Александр решил повидать брата, но тот сидел на гауптвахте – нарушил приказ остаться на земле, в то время как его звено должно было выполнять боевое задание, и полетел с бригадой.

«Слишком отчаянный, хулиганит в воздухе, – пожаловался командир части Александру. – Если с вашим братом до конца войны ничего не случится, у Родины не хватит орден, чтобы его награждать, так виртуозно он летает».

В мае 1943-го 20-летний Юрий Пигузов стал старшим летчиком, а в августе был назначен командиром авиаэскадры. Воевал на легендарном штурмовике ИЛ-2, который немцы прозвали «черной смертью». Совершил 34 боевых вылета. А на 35-м, в районе Смоленска, в Новиках, был сбит. Раненый, без сознания, попал в плен.

Пленных летчиков отправляли в специальные лагеря Люфтваффе (Luftwaffe – германские военно-воздушные силы). Подготовка боевого летчика стоила дорого, поэтому немцы прилагали максимум усилий для вербовки военнопленных пилотов. С теми, кто отказывался сотрудничать, не церемонились: сначала отправляли на тяжелые работы, а потом в газовые камеры.

Бежать из концлагеря – в чужой стране, без знания языка, без еды, в одежде заклю-

ченного – было отчаянным поступком, мало кто мог на это решиться. Юрий прошел через несколько лагерей для военнопленных: Шталаг Люфтваффе 2Д, Дахау, «лагерь беглецов», Ins Lager IV F, трижды пытался бежать, но каждый раз неудачно.

В феврале 1945 года он был передан гестапо, а затем отправлен в Бухенвальд. Узникам лагеря стало известно, что отступающие фашисты хотят уничтожить лагерь вместе с заключенными: несколько десятков тысяч человек из 18 стран Европы. Решили не сдаваться. На заводе, где их заставляли работать, тайком изготавливали оружие, хранили его под полом лазарета. 11 апреля 1945 года началось восстание узников Бухенвальда. Они смогли взять лагерь под свой контроль и не допустить бегства офицеров СС. Когда в лагерь вошли американские войска, над лагерем был поднят красный флаг.

Судьба летчика

В годы войны Юрий Васильевич Пигузов, впоследствии доктор технических наук, профессор МИСиС, был боевым летчиком.

В июле-августе Бухенвальд перешел в подчинение советского военного командования, и Юрий, как и все, оказавшиеся в плену, должен был пройти проверку НКВД в фильтрационном лагере. В эти дни он написал письмо: «Мама, извини меня, что я попал в плен, но я не предатель, никогда им не был, меня сбили, я был без сознания и не мог покончить с собой».

Мать Юрия, **З.В.Савкина**, состояла в одной партиячейке с 26-ю бакинскими комиссарами, поэтому хорошо знала министра черной металлургии СССР **И.Ф.Тевосяна**. Ее обращение к министру и хорошая характеристика из Чкаловской авиашколы помогли Юрию быстро пройти проверку и выйти на свободу.

Он по-прежнему хотел быть летчиком, но после плена об этом не могло быть речи. В 1946 году Юрий Пигузов поступил в Московский институт стали. Окончил его по специальности «Физика металлов», преподавал и вел научную работу на кафедре, защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

Его мечта – еще хоть раз полетать на самолете – сбылась на склоне лет. Действующий летчик палубной авиации полковник **М.Ф.Савицкий** организовал для Юрия Васильевича полет на учебном самолете ЯК-18. Он уверенно управлял машиной. Это был праздник!

Людмила БАБАДЖАНИЯ

Насыщенная жизнь

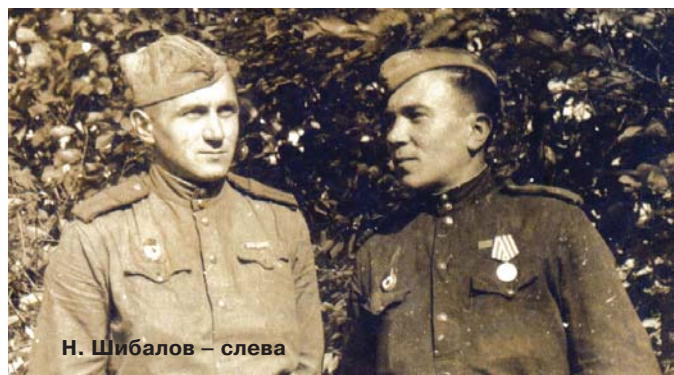
Связист, фельдьегер, футболист, металлург, преподаватель, хороший организатор, душевный человек – все это можно сказать о ветеране Великой Отечественной войны Николае Сергеевиче Шибалове, который проработал в МИСиС более 45 лет.

Интересная и насыщенная жизнь у коренного москвича **Коли Шибалова** началась еще в детстве. Учился он в школе № 16 в одном классе с будущим киноартистом **Евгением Весником**. Крепкая дружба связывала Николая с одноклассницей полькой **Яной Кэппе** и ее младшей сестрой Майей, дочерью репрессированного в 1937 году чекиста, соратника Дзержинского, Яна Иосифовича Кэппе, крупного специалиста в нефтяной отрасли. Впоследствии Майя станет женой Николая и рука об руку пройдет с ним весь отпущенный им жизненный путь.

Школьником Николай приобрел славу отличного футболиста, играл за «Динамо» и «Красный пролетарий», участвовал в первенстве Москвы. В 1939-м перед финской войной в армию призывали в первую очередь спортсменов. Николай попал в войска связи под Москвой. Участвовать в финской войне ему не довелось, зато Великую Отечественную прошел от первого залпа до последнего. Начал под Вязьмой, защищал Москву, освобождал Белоруссию и Прибалтику, закончил войну под Кенигсбергом.

Сначала служил связистом на броневике в отдельном батальоне связи. Однажды во время разгрузки эшелона попал под бомбежку. Осколок, не задев, просвистел мимо его уха. Потом пришлось вырваться ночью из окружения под обстрелом фашистов.

В том же 1941-м 20-летнего Николая перевели в фельдьегери. Служба была непростая. Фельдьегер, кроме отменного здоровья, должен был обладать отличной памятью и прекрасно ориентироваться на местности, а также уметь в нужный момент мобилизовать свои внутренние ресурсы, просчитать любые возможные риски и даже

Н. Шибалов – слева

предчувствовать потенциальную опасность. В его обязанности входила доставка пакетов с секретными документами и приказами по назначению. Служба осуществлялась сначала на лошадях, а потом на мотоциклах. Отправляясь на задание, фельдьегер клал за пазуху пакет, запечатанный сургучовой печатью, и гранату (пакет ни при каких обстоятельствах не должен был попасть в чужие руки), в карман – пистолет, на грудь – ППШ. Както за Николаем началась охота, он попал под обстрел. К счастью, удалось вырваться. Помогла хорошая спортивная подготовка и природная смекалка. За это получил первую медаль «За боевые заслуги». В конце войны имел семь боевых наград.

В 1943 году с Николаем произошел такой случай: надо было доставить пакет в батарею, которая располагалась в деревне. Он на мотоцикле влетел в расположение и видит: на посту стоит эсэсовец в плаще и с автоматом. Молниеносно развернувшись, на предельной скорости Шибалов уходит от погони.

За все годы службы он не получил ни одного ранения, но в конце войны здорово расшибся на мотоцикле. Должны были отправить в медсанчасть, но ребята из его роты отстояли товарища и сами его выносили.

Был демобилизован в конце 1945 года в возрасте 24 лет. Отец строго сказал: «Пока я работаю, учись!». Николай пошел сдавать документы в Московский институт стали. Фронтовика принял ректор **В.П.Елютин**, посоветовал поучиться сначала на подготовительном отделении, чтобы вспомнить школьную программу.

В 1946-м Николай Шибалов стал студентом кафедрыковки-штамповки (КШ-46), успешно совмещал учебу с общественной работой, продолжал играть в футбол, уже в институтской команде.

Вскоре заметный юноша стал председателем объединенного профкома сотрудников и студентов института. В 1950 году по рекомендации В.П.Елютина был избран секретарем парткома МИС. В эти сложные годы его называли совестью института.

В 1956-м вернулся на родную кафедруковки-штамповки, успешно защитил кандидатскую, преподавал. Длительное время был начальником НИЧа, затем заведующим кафедрой начертательной геометрии, создал здесь дружный коллектив профессионалов, а кафедрой преобразовал в кафедру инженерной графики. В памяти многих он остался примером чуткого, доброжелательного отношения к людям.

Людмила БАБАДЖАНИЯ

Два письма

Недавно на электронную почту редакции газеты «Горняцкая смена» пришло письмо от Марка Борисовича Аксенова, выпускника Московского горного института 1971 года. Накануне 70-летия Великой Победы Аксенов решил передать архивные документы институтского Военно-патриотического клуба им. Анатолия Егорова (ВПК), активным участником которого он был в годы студенчества, нынешним членам этого клуба.

Много лет он хранил бесценную папку с фронтовыми письмами, воспоминаниями ветеранов, фотографиями, описанием боевого пути 1-й дивизии народного ополчения и списками студентов и сотрудников МГИ – и погибших, и вернувшихся с войны. Еще студентом Марк Борисович вместе с товарищами совершал походы по местам боевой славы 18-й армии и 60-й Севско-Варшавской дивизии, сформированной из 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района Москвы.

В потерятой коричневой папке среди пожелтевших от времени бумаг оказались два фронтовых письма, сложенные треугольником – весточки от солдата – студента Горного института **Бориса Кроткова** своим родным. На письмах, адресованных отцу, **Никанору Евгеньевичу Кроткову**, стоят штемпели «Промоцировано военной цензурой».

Необъяснимое чувство горечи и потери возникает, когда видишь пожелтевшие разлинованные листочки бумаги с карандашными строками последних приветов родным. В письме от 30 декабря Борис Кротков поздравляет своих родных и любимых с наступающим 1942 годом:

«Здравствуйте, дорогие папа, мама, Нина, Слава, дядя Вася и Марья Адамовна!

Поздравляю вас с Новым – 1942 годом и желаю вам всем счастья в этом году. Я сейчас жив и здоров. В боях еще не

участвовал, но, видимо, скоро буду. За последнее время я видел много такого, от чего сердце обливается кровью. Да, немецкие фашисты действительно лютые враги человечества! Я думаю, что 1942 год явится годом полного разгрома фашизма. Я часто вижу во сне дом и вас. Скорее бы разбить фашистов! Между прочим, Васья Мордвинов находится вместе со мной, но только в другой роте. Пишите мне о себе и о своей жизни по адресу, который я вам сообщу в следующем письме. Пока до свидания. Крепко вас всех целую».

Второе письмо отправлено спустя неделю, 5 января 1942 года.

«Вот уже несколько дней я нахожусь на фронте, но в боях еще не был. Новый год я встретил в вагоне около железной печи. Сейчас я боец действующей Армии Северо-Западного

фронта. По пути на фронт я был в освобожденных от немцев городах и селах. Был в Солнечногорске, Клину, Калинин. Да, немцы наворотили делов! Когда я смотрел на стены разбитых домов Калинина, то я думал, что едва ли Павел Иванович Шишкин узнал бы свой родной город.

Раньше как-то не верилось, что немцы раздевают на улице людей. Теперь я убедился в этом. Я сам ночевал у старика, с которого немец стащил на улице валенки. Сами немцы теплой одежды не имеют. Одеты в пилотках, летних пальтишках, ботиночках. Чтобы не мерзнуть, они наворачивают награбленные у населения вещи: юбки, женские платки и кофточки, шапки и т.п., так что имеют вид чучел.

Когда я выезжал на фронт, я снялся. Карточку пришло в одном из следующих писем. Мне хочется, чтобы вы снялись в полном составе и прислали сюда на фронт карточку. Адрес мой такой: полевая почтовая станция №414, 67 батальон, 3 рота, Кроткову Б.Н. Пишите мне чаще. Пока до свидания, крепко всех целую.

P.S. Сегодня видел вас всех во сне».

Едва ли Борис Кротков думал о том, что эта весточка будет последней. Увидеться с близкими ему больше было не суждено.

Эти письма с фронта в Военно-патриотический клуб им. Анатолия Егорова МГИ передала мама солдата. В своем письме А.А. Кроткова пишет: «Борис 24 сентября 1941 года в числе 30 комсомольцев ушел в армию, а 10 декабря они выехали на фронт, и никто из них не вернулся. В начале марта 1942 года мы получили сообщение из полевой госпиталы 2227, что Борис умер от ран 22 февраля 1942 года и похоронен в с. Старая Торопа, Калининской области, на братском кладбище».

Имя Бориса Кроткова высечено на мемориальной доске МГИ среди имен студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников, не вернувшихся с полей сражений,

Таких судеб и историй в годы войны были миллионы.

P.S. Письма Бориса Кроткова переданы в Музей истории НИТУ «МИСиС».

Подготовила Светлана ИВАНОВА

ТРУЖЕНИКИ

ТЫЛА

На этом поле не найдешь патрона,
Пробитой каски, ржавого штыка,
Но здесь стояла насмерть оборона
Четыре года долгих, как века.
Четыре года!

Не свистели пули,
Не лезли танки на стену стена,
Но здесь трудились, спин не разогнули,
Пока весь мир корезила война.

К. Мартовский

Все для фронта!

В августе 1941 года, несмотря на военное положение, институты, вошедшие позже в НИТУ «МИСиС», вели набор первокурсников. 1 сентября студенты приступили к занятиям.

Но в октябре немцы подошли к Москве, и решением Государственного комитета обороны Московский институт стали (МИС) был эвакуирован в Новокузнецк. Московский институт цветных металлов и золота (МИЦМиЗ) отправился в Алма-Ату. Московский горный институт (МГИ) был эвакуирован в Караганду. Преподаватели и студенты институтов трудились в тылу, выполняя задания правительства, решая важные задачи по обеспечению оборонной промышленности черными и цветными металлами.

Часть коллектива Института стали оставалась в Москве – в мастерских и лабораториях наладили производство корпусов мин и гранат, деталей для пулеметов, минометов, пушек и «Катюш». В сжатые сроки была освоена технология прокатки специальных профилей для танковой промышленности, разработаны меры по двукратному увеличению производства цветных и редких металлов.

В лабораториях Института цветных металлов и золота проводились работы, связанные с производством мин. На базе мастерских и лаборатории обработки металлов давлением была организована прокатка фольги для завода, выпускавшего полевые телефонные аппараты и танковые переговорные устройства, зарядные устройства снарядов. Только в 1943 году ученые МИЦМиЗ разработали и внедрили в производство более 20 предложений по совершенствованию технологического процесса получения цветных металлов и сплавов, необходимых оборонным заводам.

Сотрудники Горного института создали цех оборонных работ, который выполнял заказы Наркомата обороны. За полтора года пребывания в Караганде институт подготовил 210 горных инженеров, оказал большую техническую помощь хозорганам и предприятиям Карагандинского бассейна и других регионов.

В конце войны институты вернулись из эвакуации в Москву, возобновились занятия.

Начало войны

Предвоенные годы. В СССР принимались, правда, с опозданием, меры по укреплению нашей обороноспособности. Одним из слабых участков было производство брони – без нее не представлялось возможным создание современных танков и военных кораблей.

И.Ф.Тевосян, на тот момент министр судостроительной промышленности, добился перевода в подчинение министерству Института стали и создания в нем закрытого спецфакультета, готовящего металлургов, специалистов в области пластической деформации и термической обработки броневой стали. Для обучения были отобраны студенты старших курсов. В число студентов по специальности «Металловедение и термическая обработка» попал и я.

Дипломную работу, посвященную улучшению обрабатываемости стали, я выполнял под руководством профессора **Дмитрия Антоновича Прокошкина**. По плану студенты спецфака должны были защищать дипломы в июле 1941 года. Однако начавшаяся в июне война и сложившаяся чрезвычайная обстановка, когда всем было «не до этого», вынудила перенести защиту на конец сентября. Я и Кидин (однокурсник Горелика **Иван Николаевич Кидин**, будущий ректор Института стали – прим. ред.) успешно защитились и получили дипломы «с отличием».

Первые дни войны все были в растерянности. Тревожность усиливалась и оттого, что молчал Сталин. Через три или четыре дня меня вызвали в райком партии. Сказали, что с учетом службы в армии и опыта организационной работы меня направляют инструктором в военный отдел райкома. Просят немедленно приступить к работе. Я забрал из студенческого общежития самое необходимое и переехал жить к сестре (напротив Манежа).

В райкоме шла работа по созданию и комплектованию ополченческой дивизии нашего района и истребительного отряда. Задачами последнего были выявление и борьба с возможными разведчиками и диверсантами, которых немцы засылали в Москву. В истребительный отряд добровольно вступили заведующий кафедрой химии профессор **Аншель Петрович Белопольский**, доцент кафедры металлургии стали **Александр Евгеньевич Хлебников** и другие.

Через месяц после начала войны Москва подверглась авианалетам. Аппарат райкома при бомбежках спускался в бомбоубежище. У правительствен-

Тревожная осень

Из воспоминаний **Семена Самуиловича Горелика**, доктора технических наук, профессора, заслуженного деятеля науки и техники РФ, основателя и первого декана факультета полупроводниковых материалов и приборов МИСиС.

И. Кидин и С. Горелик

случае приказа об оставлении Москвы саперы должны были взорвать мосты через Москву-реку и вместе с работниками райкомов отступить на восток.

Эвакуация института

В эти же дни были эвакуированы на восток и все вузы Москвы, в том числе и Институт стали. Студенты должны были пешком дойти до Горького, собраться там в назначенное время и поездом ехать в Сталинск (Новокузнецк). В разговоре с секретарем райкома **Суровым** я сказал, что в истребительный отряд Москвы записался профессор **Аншель Петрович Белопольский** и что он и сейчас там находится. Никита Михайлович очень возмутился и потребовал найти его и привезти в райком. Я разыскал Аншеля Петровича, привел его к Суровому, он оставил его при райкоме – тоже на казарменном положении.

В середине ноября, когда положение в Москве относительно стабилизировалось, мы пришли на площадь Гогина к **Бычкову**, заместителю министра черной металлургии по кадрам – из руководства министерства в Москве оставался он один. Сообщили, что в Москве из руководителей ведущих кафедр остались еще член-корреспондент АН СССР **Б.В. Старк**, профессор **А.М. Дымов** с семьей. Я просил помочь эвакуировать их и А.П. Белопольского в Сталинск.

Бычков тут же распорядился и выделил для этой цели места в мягком вагоне. Однако Б.В. Старк эвакуироваться отказался, мотивируя это тем, что без своих книг и библиотеки он пользы в Сталинске не принесет.

Подготовка к сопротивлению

В октябрьские дни 1941-го стопроцентной уверенности в том, что Москву не придется оставлять, не было. В Москве было заблаговременно создано подполье. Отбирались наиболее проверенные и готовые к самопожертвованию

К. Березюк – слева

Первый день войны

Было солнечное, свежее утро. Всю зеленую растительность Ленинских гор озаряли лучи солнца, и с их высоты из громкоговорителя разносились слова песни: «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых». Я отнесла себя к «мечтателям»: надо закончить институт и встретить интересного друга жизни. На душе легко, светло и даже радостно! И я, улыбаясь, ответила сама себе: «Здравствуй!».

В этот день я подменяла подругу, москвичку **Аню Дубровскую**: мы обе были студентками второго курса института Цветных металлов и золота (Крымский вал, 3), и Аня совмещала учебу с работой в гидрометеорологической службе Москвы. Я сделала очередной замер уровня воды, когда услышала разговор двух мужчин, стоявших недалеко от меня:

«Родственники позвонили из Киева и сказали, что немцы бомбили город и обстреляли школьников, вышедших на берег Днепра после выпускного вечера в школе. Погибла дочь...».

Однажды в Парке Горького взорвалась бомба, здание института содрогнулось от взрыва, ударной волной снесло крышу, из окон вылетели стекла, загорелся подвал. Погибли люди, которые дежурили в вузе. Стрелки уличных часов показывали 2 часа 45 минут – время, остановившее жизнь института.

На следующий день, когда мы пришли на занятия, то увидели, как ветер по всей территории разносил обгоревшие листья из личных дел студентов. Нам предложили собрать все уцелевшие документы, что мы и сделали.

Вскоре МИЦМиЗ был эвакуирован в Алма-Ату. Студенты разъехались по домам. Более двух лет занятий в институте не было.

Военная молодость

Несколько студенток – **Шура Груздева**, **Клава Мерзликина**, **Тоня Андреева**, **Клава Пономаренко** и я – остались в Москве. В одну из первых ночей войны по длинному коридору студенческого общежития нашего института бегала дежурная и, стуча в двери комнат, оповещала: «Быстро одеться, спуститься вниз и молча ждать у подъезда». Спустились шесть-семь человек, в том числе и я. Нас повели мимо станкостроительного завода. Справа от нас были одноэтажные деревянные избышки, впереди – заросший травой и бурьяном косогор, на его вершине стояло длинное бело-голубое одноэтажное здание. Из него люди в белых халатах выносили деток и из рук в руки передавали нам. Они были совсем маленькие, в одних рубашечках. Мы, скользя по мокрой траве косогора, с малышами на руках спускались вниз,

Сороковые, роковые...

Вспоминает **Клавдия Степановна Пономаренко (Березюк)**, выпускница Института цветных металлов и золота 1945 года.

где стояли автобусы, на корпусах которых было написано «Дети». Один малыш, которого я несла, все время плакал и кулачком слабенко молотил по моей макушке. Детей принимали люди в белых халатах и заносили в автобусы, кого-то заносили мы сами и клали на пол, под ноги людей, уже сидящих там с детками.

Так я вынесла трех младенцев. Их увезли в более безопасное место.

Вскоре мы пошли работать на расположенный рядом с нашим общежитием станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе, нас зачислили стрелками в охрану.

Я дежурила на центральной проходной. На улице было ниже 20 градусов. Валя Москвитина сменила меня, и я побежала в столовую выпить горячей воды, чтобы согреться. Не добежав до входной двери, почувствовала, как горячей струей обожгло нос, лоб, подбородок. Подумала кровь, провела рукой

по лицу – сухо. Вдруг что-то упало у ног. Наклонилась, чтобы поднять предмет, наколола и обожгла пальцы. Надела рукавичку и подняла находку. В столовой за столом девочки пили горячую воду. Положила трофей посредине стола. Все широко открыли глаза: «Что это?» – «Смотрите сами». Это был осколок от разорвавшейся недалеко бомбы, горячий и острый.

Из благодарности, что осколок не попал мне в голову и не отсек нос, я хранила его все годы учебы. Окончив институт, я вышла замуж. Уезжая из Москвы к месту службы мужа, я бросила этот осколок в контейнер для сбора металла. Так закончилась его история.

Поездка на Урал

В октябре 1941-го поступило распоряжение правительства снять лучшие образцы станочного оборудования с фундаментов и

ТРУЖЕНИКИ

ТЫЛА

сорок первого

Московский институт стали в эвакуации

люди. Им давали другие фамилии, паспорта, квартиры, комнаты в коммунальных квартирах, простую работу. Вспоминается еще один, по-моему, небезынтересный факт, характеризующий особенности военных условий в большом городе. В начале сентября я шел к сестре через Каменный мост на Моховую. Был солнечный день, и вдруг слышу сзади звук летящего самолета. Оглянулся и вижу: по направлению к Кремлю на относительно небольшой высоте летит немецкий самолет. Впервые я испытал чувство обиды, беспомощности и ненависти к нагло и спокойно летящему немецкому летчику, не понимающему, почему его не сбивают.

Позднее я узнал, что сбивать самолеты над Москвой было нельзя потому, что их падение неизбежно принесло бы больше разрушений и жертв, чем одна или даже несколько бомб. Все известные подвиги летчиков-защитников Москвы (В. Талалихина, таранившего немецкий бомбардировщик, и др.) были совершены в небе Подмосковья, но не Москвы.

Куйбышевом

Последние недели моей работы в райкоме перед переходом в горком партии ознаменовались очень грустным событием. Я получил телеграмму из Куйбышева, где жили в эвакуации мои родители и сестры. Они извещали, что у них произошло большое несчастье, и просили приехать. В связи с тем, что немцы почти окружили Москву, вылет из Москвы был небезопасным делом. Пассажиры в основном командированные.

отправить в Нижний Тагил. Мы охраняли состав в пути.

На пути в Нижний Тагил наш состав дважды был под бомбежкой. Первый раз в Рязани. Нам, несколькими девочкам – Шуре Груздевой, Тоне Андреевой и мне – наш руководитель дал талоны и послал на вокзал покушать. Встали в очередь, еще не дошли до прилавка, а из радио доносится: «...город бомбят, бомбят вокзал, немедленно освободить помещение». Мы ринулись на выход, в дверях пробка. Когда добежали до путей, где стоял наш состав, увидели только два последних вагона уходящего поезда. Мы сели на рельсы и заревели. У нас на руках не было ни документов, ни продуктовых карточек, ни денег. Пошли на вокзал, нашли дежурного. Но ему было не до нас. Он посадил нас на скамейку и приказал: «Ни с места, ждате дальнейших распоряжений!». Только в районе Куйбышева мы, голодные и замерзшие, наконец, догнали своих.

Однажды меня сменили с поста. Я пришла в теплушку, села перед печкой отогреваться. Состав переезжал мост, говорили, что через Волгу. Нас опять начали бомбить. Бомбы ложились то с правой стороны моста, то с левой. В вагон проникала вода. Машинист резко затормозил состав, и чайник с кипятком с буржуйки свалился мне на ноги. Я получила сильные ожоги, чулки с меня снимали вместе с кожей. Наши руководители хотели снять меня с поезда и сдать в больницу, но я запротестовала, и доехала со своими до Нижнего Тагила. Мне оказали медицинскую помощь в одном из медпунктов отделения железной дороги, так как все больницы города были переполнены ранеными.

После возвращения в Москву мы, за исключением времени сна, работали: или с винтовкой в охране, или копали траншеи для прокладки бикфордова шнура – готовили завод к подрыву. А немцы летали, бомбили, бросали листовки: «Милые дамочки, не копайте ваши ямки. Придут наши таночки, закопают ваши ямки».

Мои родные жили на окраине Куйбышева в жутких условиях, буквально в хибаре. Комната отапливалась печкой, уголь к которой доставался с трудом. Спальных мест на всех не хватало, и одна из племянниц (дочка мамино брата) спала на полу. В одну из ночей мама, чтобы сохранить тепло до утра, пораньше закрыла заслонку печи. В результате все угорели. Соседи, встревоженные тем, что до 12 утра никто из комнаты не выходил, взломали дверь. Племянница, спавшая на полу, была мертва (угарный газ скапливался внизу), отец был в очень тяжелом состоянии отвезен в больницу; мама, моя младшая сестра и вторая племянница были в тяжелом состоянии, но их жизнь оказалась вне опасности.

Самое сильное переживание выпало, конечно, на долю мамы. В Мариупольском «Бабьем яре» погибли два ее брата и сестра. Единственным ее утешением было то, что ей удалось спасти из Мариуполя двух племянниц. И одна из них умерла такой нелепой смертью. Я пытался успокоить маму, но чувство вины за смерть девочки преследовало ее до конца жизни.

В Куйбышеве я встретился с Ваней Кидиным, работавшим мастером термического цеха на авиационном заводе. По старой памяти выпили по кружке хорошего жигулевского пива, которого в Куйбышеве было вдоволь.

По прилете в Москву первое, что бросилось в глаза, как разительно отличалась ухоженность ее улиц, чистых от снега тротуаров, по сравнению с Куйбышевом, с его заснеженными улицами, сугробами на каждом шагу, забитыми трамваями. А ведь Куйбышев в те дни был второй столицей!

И снова за парту

Уволились мы в 1944 году, когда возобновились занятия в институте. Проводились они в лабораторном корпусе на Шаболовке. Там было холодно, и мы обогрелись с помощью печек «буржук», которые топили дровами. А дрова мы заготавливали вместе с профессорами и другими преподавателями института в районе города Можайска.

В одну из таких поездок мы загрузили машины дровами и ждали от старшего водителя команду, что дальше делать. Он указал на меня пальцем: «Иди садись в кабину, поедешь со мной». Я попятилась назад: «Не, не, не, я вместе с девочками на дровах». Села другая девочка. Уже не первый раз возили дрова, и, тем не менее, машина подорвалась на mine. Слава Богу, смертей не было, водитель машины и девушка получили травмы рук и ног, и попали в больницу. Мы навещали их и носили кусочки хлеба от своих пайков – больше поделиться было нечем. Позднее пострадавшие выздоровели, а студентка закончила институт.

Награда нашла меня

За участие в обороне Москвы я была представлена в 1944 году к награде, а узнала об этом случайно спустя 52 года, в 1996 году. А дело было так. Служба соцобеспечения города Красноярск потребовала от меня справку о высшем образовании. Я подумала: зачем справка, если есть диплом? Выслушали, возразили: «Нет, нужна справка, может, диплом по блату получили». Спорить не стала. Обратилась в архивный отдел, в одном из сейфов девушка нашла пожелтевшие листы моих документов и сказала: «Да, была такая. Вот характеристика на представление к награде на медаль «За оборону Москвы». На это я спросила: «Характеристика есть, а где же медаль?».

В общем, как говорится, награда нашла героя. Медаль мне вручал мэр города Красноярск В.М. Зубов.

Из воспоминаний Всеволода Валерьевича Крапухина, известного ученого-металлурга, доктора технических наук, профессора, одного из основателей факультета полупроводниковых материалов и приборов в МИСиС – ученого, стоявшего у истоков полупроводникового производства в нашей стране.

Выступление Молотова

Солнечное воскресное утро 22 июня 1941 года не предвещало никаких тревожных событий. Я работал на кафедре металлургии свинца, цинка и малых металлов МИЦМиЗа, к нам приехала мама, проездом из Потьмы, куда она возила девятилетнюю Марину на свидание с матерью. Мать Марины, врач, после расстрела мужа, отбывала 8-летний срок в лагере. Как вдруг в 12 часов дня передают по радио выступление Молотова.

Мы решили, что скорее надо отправлять маму с Мариной. На вокзале застали сформированный поезд до Калуги. Как мне удалось затолкнуть их в вагон, я не помню.

Началась жизнь военного времени. С институтом металлургии Академии наук уехал **Д.М. Чижиков**, кафедра

яснилось, что мне места нет, мы уехали в Чимкент на свинцовый завод. Спустя два месяца на завод пришло распоряжение министра цветной металлургии командировать меня в город Белово, Кемеровской области, на цинковый завод.

Труд в тылу

По прибытии в Белово меня познакомили с решением Наркомата осваивать процесс ректификации на Беловском цинковом заводе. В Гипроцветмете подсказали, что я защитил диплом на эту тему. Это явилось основанием для моего вызова.

Шла пора посадки картофеля. По совету старожил я попросил выделить мне 10 соток земли для посадки картофеля. Мне выделили землю, дали лошадь и семян, и мы с кучером посадили картофель. Совет был, кстати, по-

Все для победы!

осиротела. Пытались восстановить работу кафедры, но обстановка этому мешала. Началась бомбежка Москвы немецкими самолетами.

Немцы заняли Калугу. Там оставались мама и тетя Валя с двумя малолетними девочками. Мой двоюродный брат Шурик перед приходом немцев ушел из Калуги пешком и, в конце концов, добрался до Бориса в Киргизии. Там Шурик закончил 10-й класс и пошел в армию. Убит во время боев на Курской дуге.

Формировалось ополчение, в котором были многие сотрудники института. В сентябре пытались начать занятия. Меня перевели на должность ассистента и привлекли к чтению лекций. Бомба, упавшая рядом с институтом, способствовала форсированию эвакуации института в Алма-Ату.

Паника

16 октября 1941 года паника была массовой. Из руководства института не осталось никого. Оставшимся студентам и преподавателям рекомендовано было отправляться на восток пешком.

Мы с доцентом кафедры благородных металлов **Михаилом Дмитриевичем Ивановским** решили пойти в министерство – доложить о состоянии института. Дело в том, что замдиректора, секретарь парткома и начальник спецотдела ночью скрылись, захватив с собой ценности спецотдела. Ректор **Суханов** был командирован на производство взрывных работ при отступлении нашей армии.

В министерстве приняли решение назначить ректором М.Д. Ивановского, а меня – ответственным за эвакуацию. Обещали предоставлять вагоны для отправки оборудования. Когда последний вагон отпущен, из министерства сообщили, что формируется состав из спальных вагонов в направлении Алма-Аты. Обсудив положение дел, мы с женой Валей решили ехать на нем.

Путешествие длилось целый месяц. Стояли на станциях и полустанках, пропуская составы с ранеными с запада и с мобилизованными с востока. На остановках выходили, чтобы пообедать или купить что-нибудь съестное. Случалось, что состав неожиданно отпущен. Приходилось догонять на поездах с ранеными.

В Алма-Ате нас принял Металлургический институт, разместили в физкультурном зале на столах. Когда вы-

тому что картофель был основой питания. Когда нас стало трое и четвертая – няня, в день съедали ведро картошки, это при том, что обедали мы с Валей в столовой.

Дал телеграмму жене о ее приезде в Белово, а она мне отвечает: «Ем клубнику, куда не поеду». Пришлось ехать за ней в Чимкент и уговаривать. В Белово ее оформили на работу в заводской химлаборатории.

В условиях тотальной мобилизации на войну на заводе не хватало рабочих на основное производство. К изготовлению ректификационных тарелок приходилось привлекать инвалидов с основного производства, выведенных из-за отравления свинцом. Временами приходилось самому брать в руки трамбовку и молоток, когда не хватало напарника. Пуск цеха состоялся в конце 1943 года, о чем рапортовали Сталину в день его рождения, 21 декабря.

Обучать новых рабочих приходилось на рабочем месте. Для этого свой рабочий день пришлось удлинить так, чтобы находиться в цехе до прихода ночной смены, т. е. до 12 часов ночи, а утром в 8 часов надо было застать эту же смену, чтобы обсудить, как прошла работа.

Росло мастерство рабочих, с фронта вернулся раненый техник-металлург Василий Иванович Тарасов, который быстро вошел в курс дела и стал моим помощником. Накопив на вагон чистого цинка, отправили его на Урал на патронный завод. Оттуда получили благодарственную телеграмму. Наш цинк оказался лучше используемого ими – стало легче штамповать патроны.

В цехе смонтировали вторую установку. Это гарантировало бесперебойный выпуск цинка чистотой 99,9999%.

Конец войны

8 мая 1945 года в 11 часов утра мне позвонила на работу жена. Она к тому времени работала на радиозаводе. Завод выпускал танковые радиоприемники. Она сообщила мне, что радио Дели (Индия) передало, что война окончена. Я эту радостную весть пострался всем сообщить. Наше радио об этом ничего не говорило. Начали сомневаться. Так с сомнением и легли спать.

В 6 часов утра соседи стучат в дверь: «Включайте радио, передают, что война окончена». Радости не было конца.

Дети войны... Сегодня они, по большому счету, остались единственными живыми свидетелями тех страшных и великих лет. И часто их детский взгляд на войну оказывается более ярким и запоминающимся, чем даже мемуары фронтовиков или труженников тыла.

Моя девичья фамилия Прасолова. Я родилась в Сталинграде 4 ноября 1932 года. Жила на улице Краснознаменной, дом № 42, в Ерманском районе. 1 сентября 1940 года пошла в школу №9 на улице Ленина.

Двор нашего дома очень любили дети ближних домов, он был большой, зеленый и очень приветливый. Одним из организаторов детских игр был Юра Ломакин (именем Ю. Ломакина, впоследствии председателя Волгоградского облисполкома, названа одна из улиц города).

После начала Великой Отечественной войны школа стала госпиталем. Я с учителями ходила читать стихи раненым и вышивала для них кисеты. Репродукторы стали все чаще объявлять: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!». Мы прятались в подвале дома, а по требованию уличного комитета вырыли еще и щель своими силами. Занятия проходили в квартирах учеников.

23 августа 1942 года мы, как всегда, играли в нашем любимом

дворе. В 16 часов фашисты подвергли город массированной бомбардировке. Город был разрушен и превратился в море огня. Под руинами погибли тысячи мирных жителей. Горела Волга, тонули пароходы с людьми, гибли дети. Кто мог, покидал город. Сталинградская область была на военном положении. Немецко-фашистская авиация продолжала наносить бомбовые удары, а мы, дети войны, собирали осколки фугасных бомб, еще горячие: кто больше!

25 августа Сталинград объявлен на осадном положении. Взрослые жители работали на оборонительных рубежах. Комитет обороны города снабжал жителей в подвалах и землянках горячим питанием. Это продолжалось всего несколько дней, но это было! Вражеская авиация продолжала массированную бомбардировку Сталинграда. Но наш дом, который рядом с Сурскими банями, стоял.

Сентябрь. Мама упорно готовилась к переправе через Волгу, соби-

рая документы, кое-какие вещи в рюкзаки. Только бы не попасть под фашистов!..

Линия фронта приближалась. Много раз мы пытались добраться до переправы, но бомбежка была непрерывная, даже ночью фашисты сбрасывали на парашютах фонари, чтобы освещать Волгу. Я не знаю, как нам удалось на пароме, который тянул маленький буксир, перебраться ночью на левый берег. Только помню, что мама полотенцем мою руку привязала к своей. Бомбы топили все и всех...

На левом берегу Волги нас приютила татарская семья. Рядом стояла небольшая воинская часть. Мама работала на солдатской кухне. Красноармейцы нас подкармливали. Часто над степью сбивали наши небольшие самолеты, а совсем юных летчиков, выбросившихся на парашютах, фашисты расстреливали. Помню, как мимо хутора шли к Волге первые зачехленные «Катюши».

В Сталинграде продолжались ожесточенные бои. Зима 1942-

1943 годов была очень суровая, но 2 февраля 1943 года закончился разгром и уничтожение группировки фашистов. Битва под Сталинградом, которая продолжалась 200 дней и ночей, завершилась полной нашей победой.

Отец ушел на фронт в июне 1941 года и возвратился в конце мая 1945 года. Полевая почта не работала, и мы ничего о нем не знали. Он был артиллеристом, о чем много потом рассказывал.

В феврале 1943 года лед прочно сковал Волгу. Можно и нужно было возвращаться домой. Пошли пешком через Волгу. Метель, мороз... Дома не было, только руины. Но подвал сохранился, и по оставшимся вещам мы поняли, что там был немецкий штаб. Горожане, которые вернулись, поселились в Бекетовке. Мы тоже снимали угол у местной хозяйки. Получили печальную весть о гибели моего старшего брата – летчика. Ему было 22 года. В Бекетовке я продолжила учиться в школе. День Победы 9 мая 1945 года мы

встречали вместе с Сашей Федотовым, с которым жили в одном бараке (впоследствии он стал летчиком-испытателем, Героем Советского Союза).

Мое военное детство

О легендарном Сталинграде рассказывает Эмилия Викторовна Сарингулян, более 50 лет преподававшая высшую математику в Московском Горном.

Автор воспоминаний – Наталья Владиславовна Переломова (Сухоносова). Ленинградка-блокадница, выпускница физфака МГУ, она с 1962 года работает в МИСиС, прошла путь от ассистента преподавателя до профессора.

15 июня 1941 года мне исполнилось 6 лет, а через неделю, 22 июня, началась война. В это время моя семья находилась в Ленинграде, я ходила в детский сад. Уже к 10 июля немецкие войска вышли на подступы к Ленинграду с юго-запада, а с севера наступали финны. Блокады еще не было, но первая волна эвакуации была объявлена. Ленинградских детей от ясельного до подросткового возраста было решено эвакуировать в начале июля.

Наш эшелон отправлялся с Московского вокзала, у всех детей были сумочки с фамилией и необходимыми вещами. В мою сумочку и во все карманы одежды бабушка положила записочки с заранее выученными мной ленинградским адресом и фамилиями мамы, бабушки, дедушки и отца, высланного в Мурманск, как сына «врага народа».

Наш поезд попал под бомбежку и обстрел, несколько вагонов были разбиты и загорелись. Оставшихся в живых разместили в сельской школе ближайшего села, куда стали привозить и раненых красноармейцев. Продолжавшиеся бомбежки, убитые, покаленные... и... цветущие школьные клумбы, сад около школы – все это стало первым детским потрясением от первых дней войны.

Моя бабушка, находившаяся в то время на рытье оборонительных окопов и траншей, узнала о судьбе нашей группы эвакуированных детей. Она отпросилась на несколько дней и каким-то чудом сумела найти меня и вернуть в Ленинград. А вскоре, 8 сентября 1941 года, началась блокада Ленинграда. В этот же день немцы разбомбили и сожгли стратегические Бодаевские продовольственные склады.

Мы жили в рабочем районе Ленинграда, теперь это Невский район, недалеко от железнодорожного моста через Неву. В нашем доме располагался штаб по формированию народного ополчения района, и наш район бомбили и обстреливали практически ежедневно. Сначала мы ходили в бомбоубежище, потом вообще перестали реагировать на сигналы тревоги – уже не хватало на это сил.

Наступило самое тяжелое время – зима 1941-1942 года с сорокаградусными морозами. В городе не было электричества, прекратили работу водопровод, отопление, канализация. Нормы выдачи хлеба на наши карточки снизилась до 125 граммов суррогатного хлеба в день. Хлеб разрезали на маленькие кусочки, стараясь растянуть их на целый день, добавляя к ним немного «киселя» из дедушкиного запаса столярного клея, который быстро иссяк.

Первым умер страдавший астмой дедушка, известный мастер по настройке струнных инструментов. А в ноябре погиб мой дядя, ушедший добровольцем в народное ополчение. Остались бабушка, мама и я.

Ленинградцы – гордость моя

Мы жили в маленькой комнате с одним окном, выходившим в проем между домами. В огне буржуйки сжигали старинную мебель, книги и все, что могло гореть и как-то согреть нас. За водой ходили к Неве – к счастью, наш дом находился в 40-50 метрах от реки. Дорога к Неве была тяжелой и страшной – везде, начиная с лестничной клетки подъезда и до проруби, лежали замерзшие люди. Мне врезалась в память, как мы с мамой еле бредем от проруби с бидончиком воды, привязанным к детским санкам, спотыкаемся и падаем на запороженный снегом труп женщины с маленьким ребенком на груди.

Нередко обстрелы заставляли нас с мамой на улице по дороге за хлебом или водой, тогда мама ложилась на меня и закрывала меня своим телом. Во время очередного обстрела, когда мы с мамой везли воду, меня ранило в руку. В госпитале мне вынули осколок и наложили швы. После операции пожилой и исхудавший доктор повел меня с мамой на кухню и попросил выдать мне тарелку супа. На кухне маме дали еще кулек картофельных очисток со словами: «это для девочки». Дома мы на буржуйке сварили суп – и это был праздник.

В начале января слегла неутомимая, самоотверженная, любимая всеми бабушка. Страшным и самым ярким воспоминанием, от которого до сих пор стынет сердце, стала ее смерть. Мы спали втроем, одетыми, на одной кровати, согревая друг друга. Я лежала в середине под ворохом одеял. И вдруг ночью мы с мамой испытали нечто вроде внезапного, сильного толчка и мгновенно проснулись – бабушка была мертва. А позже на приступке

камина мы нашли горсть сухариков, которые бабушка тайно откладывала для нас из своей скудной дневной порции хлеба.

Мы остались вдвоем с мамой. Мама – маленькая, хрупкая женщина, с уже начинавшимися туберкулезом легких, еле переставляла опухшие ноги. Закончилось «топливо» для буржуйки, казалось, это конец. Мы остались за гранью выживания, и спасти нас могло только чудо. И спасение пришло. Нас разыскал старый мамин товарищ по комсомольской работе, давний друг нашей семьи. Он работал на военном заводе и получал повышенный итеэровский продовольственный паек. И вот раз в неделю, в условиях холодной зимы 1941-1942 года через весь темный холодный простреливаемый город он шел, чтобы принести нам с мамой часть своего пайка. Это и спасло нас. Фотографии Василия Ивановича до сих пор хранятся в нашем семейном альбоме, мы его всегда вспоминаем как самого родного и близкого человека.

В июле 1942 года мы с мамой были эвакуированы из Ленинграда по Ладожскому озеру. С собой у нас был небольшой чемодан с узелком и школьный портфельчик с фотографиями родных и близких – и это был самый драгоценный багаж. От берега отплыли три судна с людьми, нас бомбили с воздуха, в одно судно попала бомба, многие люди погибли, берег обстреливался. А далее была долгая мучительная дорога на восток. Ехали в товарных вагонах в жуткой тесноте, располагались с вещами на полу. На станциях можно было достать кипяток и обменять кое-какие вещи на продукты. В пути многие блокадники погибали – сказывались необратимые последствия ленинградского голода.

К сентябрю мы оказались вдали от линии фронта в алтайском селе в шестидесяти километрах от Барнаула, где нас встретила теплотой и сочувствием замечательная трудовая семья: тракторист дядя Рома, его жена тетя Фрося и бабушка, которая вела подсобное хозяйство. Здесь не было бомбардировок и обстрелов, но жизнь была трудной – все мужчины были на фронте, их заменяли женщины и подростки. Мама в это время работала на полевом стане медиком, объезжала трудовые

лагеря, лечила рабочих. Я ее почти не видела – рано утром за ней приходила подвода, вечером маму привозили, когда я спала, работала она, как и все, без выходных.

Там же я пошла в школу в первый класс. В школе была одна теплая комната с единственной электрической лампочкой, в которой учились дети всех возрастов, и всех была одна учительница. И был, я помню, сторож-фронтовик, инвалид войны, который заведовал печкой. Свою «преподавательскую» деятельность я начала в этой школе: поскольку я уже умела кое-как читать и даже писать печатными буквами, учительница «доверяла» мне группу из двух-трех ребятшек. Тетрадей не было, обучение шло с помощью мела и дощечек, потом учительница раздобыла старые газеты, старшие ученики из них сделали тетрадки и писали на чистых полях.

В апреле 1942 года, защищая Москву, под Можайском погиб мой отец. Извещение на Алтай пришло осенью. Эта очередная потеря свалила мою маму, она тяжело заболела и чуть не погибла. Спасением для мамы стало письмо друга моего погибшего отца, Моисея Корнеевича Шейко, старого большевика, с которым мой отец сблизился еще до войны в Мурманске, куда они оба были высланы и жили по соседству в общежитии для репрессированных. Уходя на фронт, мой отец просил его позаботиться о нас, если с ним что-нибудь случится. Осенью 1942 года Моисей Корнеевич, замечательный инженер-механик, был направлен на военный завод в Казахстане, в Усть-Каменогорск. Он разыскал нас в алтайской эвакуации и прислал вызов в Усть-Каменогорск.

На Алтае начиналась суровая зима 1942-го, морозы достигали шестидесяти градусов, но мама, потеряв всех близких, решила ехать немедленно. На телеге, в составе зернового обоза, завернутые в овечьи тулупы, мы с мамой добрались до Барнаула. Как не замерзли, одному Богу известно. По дороге я тяжело заболела двусторонним воспалением легких – и только к весне меня подняла моя самоотверженная мама. Весной мы двинулись в путь. По дороге через окно вагона ночью у нас вытащили единственный чемодан, остался узелок с едой и портфельчик с фотографиями и документами, который мама не выпускала из рук, а ночью подкладывала под голову.

Усть-Каменогорск встретил жарой, сухими ветрами, кратковременным цветением степных тюльпанов. Там я после долгого перерыва пошла в обычную школу, и у меня даже было два собственных учебника и личный портфель.

О своем детстве рассказывает Лидия Васильевна Волчкова, художественный руководитель академического хора НИТУ «МИСиС», заслуженный деятель Всероссийского музыкального сообщества, лауреат международных конкурсов.

Июнь 1941 года. Сданы экзамены, начались ка-никулы. Я окончила шестой класс.

Жила я в пяти минутах ходьбы от Измайловско-го парка. Мы с ребятами играли в лапту, радова-лись! Вдруг на соседнее крыльцо выходит соседка и говорит: «Ребята, началась война! В четыре часа утра фашисты напали на нашу страну, на Брестскую крепость. Сейчас будет выступать Молотов!» Сбе-жались все соседи. Послушали выступление В.М. Молотова. Через час девять молодых ребят из на-шего двора отправились в военкомат. После войны вернулся один, и то инвалид, без одного глаза и хромой.

рельсами – ходить. Потом привыкли и перестали везде прятаться. Все соседи почему-то собирались у нас на крыльце, в маленьком коридоре, и ждали, что будет дальше, когда будет «отбой» тревоги.

Весь Кремль был разрисован маскировочными красками; на его стены были прикреплены макеты, имитирующие фрагменты обычных городских до-мов. Они были желтые, темные, даже кирпичного цвета. Это мы видели с Москворецкого моста.

Школы несколько месяцев не работали, а по-том мы стали ходить в школу утром, а затем после пяти уроков шли работать на соседний двор – делали мины. Мальчики стояли у станков, девоч-ки носили мины, а военные укладывали их в ящи-ки. Это было на Большой Семеновской, рядом с метро «Электровзаводская». Домой я возвраща-лась пешком уже к 11-12 ночи. А летом мы работа-ли в колхозе. Учились мы сначала в школе № 425, потом ее закрыли, и в 1945 году я окончила

Место памяти

Рассказывает профессор кафедры физи-ческого воспитания и здоровья Игорь Григорь-евич Зюзько.

Мой отец работал в банке, на месте которого сейчас гостиница «Академическая». Как только на-чалась война, он, коммунист с 1918 года, участник гражданской войны, добровольцем пошел на фронт от Ленинского района. Со двора Горного института я вместе с мамой, братом и сестрой про-вожал его в учебные лагеря. Тогда еще четырехлет-ний ребенок, я отчетливо помню, как он поднес ме-ня к машине, на заднем борту которой лежали ружья со штыками, об один из них я немного пора-нился. Больше отца я никогда не видел, последнее письмо пришло в октябре 1941-го из-под Ельни.

Наша семья жила на Покровке, в 17-квартирном доме. Моя мать осталась с тремя детьми. Старший брат учился в авиационном техникуме, сестра была студенткой Института иностранных языков имени Мориса Тореза, а мне было всего четыре года.

В начале войны в Москве можно было купить и хлеб, и колбасу, потом пере-вели все на карточки, а это 100 граммов черного хлеба на человека. Меня спас-ло то, что я был в детском саду в Казарменном переулке, там кормили. Голод был страшный. Помню себя постоянно сидящим на подоконнике и ужасно го-лодным, кушать было настолько нечего, что однажды я, не знаю как, съел це-лый стаканчик растопленного сала.

Кроме голода, была еще одна ужасная напасть – бомбежки. Все окна зак-рывались синими шторами, а форточки заклеивали бумагой крест-накрест, на случай, если рядом снаряд взорвется. Бывали случаи, что и в Кремль попада-ли снаряды, но от горожан все скрывалось, старались к утру убирать все сле-ды ночных налетов. А однажды бомба попала в трамвайные рельсы на Чистых прудах, рядом с кинотеатром «Коллизей». Потолок зала украсила огромная стеклянная люстра, и она, не выдержав сильной вибрации, упала во время се-анса. Помню, очень много народу погибло, но это тоже было закрытой инфор-мацией.

В 1944 году я пошел в школу в первый класс. В первый день на перемене нам дали по стакану сладкого чая и бублик с маком, счастьем нашему не было предела. Мама не работала, болела туберкулезом, продукты получали по кар-точкам, голодали. В нашем дворе была продовольственная база, и, когда при-езжали разгружать овощи: картошку, капусту – мы, пацаны, таскали их прямо из телег, а возницы делали вид, что ничего не видят.

Однажды, уже к концу войны, я попал в больницу с воспалением легких, это одно из самых моих неприятных воспоминаний о военных временах. На сосед-них койках постоянно умирали дети, и младше, и старше меня. Тогда морга в больницах не было, и тела должны были родные сразу забирать, автомобилей ни у кого не было, возили на кладбище на трамвае. Клади в железное корыто и засыпали дровами, чтобы никто не видел. Жуткое было время!

В День Победы 9 мая мы все побежали на Красную площадь! Было огром-ное количество народу, качали на руках солдат и офицеров, повсюду были про-жектора и салют. Удивительный тогда был день, домой я пришел очень поздно, меня тогда чудом не раздавили.

В мае 1945 года мама получила извещение о том, что отец пропал без вест-и в октябре 1941-го. Каждый раз, входя во двор института, я кланяюсь обелис-ку, это единственное место памяти моего отца.

Записала Раиса МАЖИРИНА

Никто никогда не плакал

Через день услышали сигналы воздушной тре-воги. Страшные завывания сирен. Мы все побежа-ли в лес. Я еще сказала маме: «Как в Испании». И это было каждый день! Взрослые и дети стали рыть в лесу огромные окопы. Набросали вниз сена, тра-вы, принесли скамейки. А сверху положили боль-шие деревянные ворота и накрыли их железом и кровельным толем – от дождя. Потом перестали бегать в траншеи, привыкли к тревогам.

А через месяц начались бомбежки. К вечеру мы стали заранее уходить в метро «Измайловский парк». От нашей станции до «Семеновской» слева и справа от рельсов устроили деревянные стеллажи, на которых можно было лежать, сидеть, а между

школу № 446 – напротив метро «Электровзаводс-кая».

Моя старшая сестра окончила в начале войны физический факультет МГУ, но работала на элект-роламповом заводе. Иногда не приходила домой, так как работали сутками и спали на каких-то печак.

Самым страшным был день 16 октября 1941 го-да. Мы с мамой хотели поехать на трамвае к «Семе-новской» – это четыре остановки от нас. Пришли на остановку – трамваи не ходят. Пошли пешком. Нам навстречу едут грузовики, разные машины, набитые до отказа какими-то вещами, мешками, люди на велосипедах, с котомками за плечами. Все бежали из Москвы. Мы пошли обратно домой. Мама сказала мне: «Успокойся, мы никуда не побежим. В крайнем случае, уйдем вместе с нашими войсками».

Холод зимой 1941-1942 г. достигал 40-42 граду-сов. И к нам домой по очереди приходили солдаты по два-три человека. Мы ставили в духовку печки два ведра воды, чтобы напоить их «чаем», в основном липовым. Помню зимой, в начале 1942 г. к нам пришел сосед и попросил уложить солдат, лыжников, на полу в комнате. Утром они шли под Сталинград. Сосед был их командиром. Он, к счастью, вернулся с войны.

А когда окончилась война, я со старшей сестрой и ее друзьями 9 мая 1945 года была на Красной площади. Над гостиницей «Националь» под про-жекторами развевался флаг с портретом Сталина. На Красную площадь мы едва протиснулись и по-том едва выбрались. Был потрясающий салют, фейерверк, горели разноцветные прожектора. Лю-ди на счастье разбрасывали горстями мелкие мо-неты, все сверкало. Прожектора, радость, объят-ия!!! Счастье!!! Потом на Красную площадь два-три дня не пускали – сгребали скребками монеты.

О Великой Отечественной войне вспоминает к.ф.-м.н., старший научный сотрудник кафедры МППиД Ольга Михайлов-на Кугаенко.

Я родилась в счастливой семье инженеров-металлургов, прокатчи-ков завода «Запорожсталь», папа работал заместителем начальника цеха, мама, окончившая Институт стали, – инженером ЦЗЛ. Мне было два года, когда началась война. В июле уже бомбили Запорожье, по два-три налета немецких самоле-тов за ночь. Когда мама несла меня в бомбоубежище, я всем сообщала: «Товарищи, тревога!».

Мой отец занимался демонта-жом и отгрузкой прокатных цехов и выехал из Запорожья 4 октября 1941 г. последним эшелонам с обо-рудованием. В этот день Красная Армия оставила город. В Магнитогорске запорожский средне-листо-вой стан был запущен и начал ката-ть броневой лист, отец был на-чальником цеха.

В конце августа 1941 года мы с мамой вместе с сотрудниками за-вода выехали в товарном вагоне в эвакуацию на Северный Кавказ. Ехали долго, состав пропускал эше-лоны с оборудованием заводов и встречные эшелоны с военными. Составы обстреливались немецки-ми самолетами. При налетах все выбегали из вагонов и прятались в поле, в кустах, под деревьями. Вып-рыгивая из вагона, мама повредила ногу и при следующих налетах оста-валась на месте, прикрывая меня собой при выстрелах. На станции Курсавка была пересадка. Там мы ждали бабушку, которая не могла

уехать из города, ведь там, в тюрь-ме, с 1937 года находился ее муж. Женщины сидели у ворот тюрьмы в надежде увидеть заключенных и проститься с ними. Бабушка уехала лишь после того, как сообщили, что тюрьма пуста. Только через десять лет после войны при получении до-кументов о реабилитации она узна-ла, что мой дед к тому времени был уже давно расстрелян.

Сообщение от папы о его назна-чении мы ждали в г. Кутаиси, где мы жили в грузинской семье. Мама и бабушка всегда с благодарностью вспоминали этих замечательных людей, переписывались с ними и после войны не раз встречались. Мне очень запомнился старый грузин, он всегда говорил: «Ах, генац-вале», нес меня на руках в сад и срывал для меня самую красивую розу.

Поздней осенью мы получили известие, что отец в Магнитогорске. Мы тут же выехали к нему и зи-мой были на месте. В дороге я сильно болела корью и воспалие-нем легких, и случайно ехавшая с на-ми в вагоне врач дала маме ключи от своей квартиры в Ташкенте, что-бы меня там подлечили, а сама уе-хала на фронт. Мама всегда помни-ла, сколько добрых, отзывчивых людей помогли нам доехать до Магнитки, и писала им письма бла-годарности. Я помню переправу че-

«Тревога, товарищи!»

рез Каспий, и дорогу в поезде, и грузовик, на котором нас встречал папа в холодном и снежном уральско-ком городе.

Сначала мы всей семьей жили в комнатке в бараке (там же прожива-ли папины знакомые и коллеги, при-ехавшие с Украины), а потом в Соц-городе. Родители работали на ком-

бинате, часто круглые сутки, выпус-кали броневой лист для танков.

Помню врачей, свои бесконечные болезни легких и рентген-кабинеты. Помню бабушкины слезы, когда она с соседками читала в газете про подвиг молодого героя в Красной Армии. Книжки остались далеко в Запорожье, поэтому появление книг в доме отме-

чалось чтением вслух, у меня хранит-ся изданный в 1942 году тоненький сборник Т. Шевченко на грубой обер-точной бумаге. Я знала много стихов и громко пела песни, а когда меня ос-танавливали, я плакала от обиды.

Помню праздники освобожде-ния городов: Запорожья, Киева, Минска, отъезд знакомых в осво-божденные города. Мы все, и дети, и взрослые, жили в атмосфере ожи-дания Победы, переживаний о род-ных и друзьях, которые были на фронте и в оккупации, молили Бога о разгроме врагов, мечтали о буду-щей новой мирной жизни.

На Урале было много военноп-ленных немцев, они работали на стройках. Врезалось в память: снег, мороз, бабушка везет меня на сан-ках, наш автоматчик один ведет на работу колонну немцев, они в серых шинелях, лицо, шея, руки, ноги за-кутаны в белые вафельные полотен-ца... Уже после Победы один пожи-лой немец каждый день приходил к нашему трехэтажному дому, садил-ся на лавочку и целый вечер смот-рел на игры детей и вытирал слезы.

Очень хорошо помню День По-беды 9 мая 1945 года, я же уже бы-ла большая, шесть лет. Уже утром все знали, что наступила Победа! Все знали, что будет выступать Ста-лин. И мы с бабушкой побежали его слушать на площадь у Дворца ме-таллургов, все очень затаилось! Слезы, музыка и толпы народа! И все ждут и знают, что уже сверши-лось! Это был необыкновенно радо-стный день. В память об этом празднике родители принесли мне подарок – двух живых маленьких кроликов.

Победители

В 18 лет Николай Фудель записался добровольцем в армию, воевал рядовым на 1-м Украинском фронте, освобождал Прагу, участвовал в штурме Берлина. Более 30 лет заведовал кафедрой русского языка МИСиС.

Наползают на нас наваждением,
Точно хмарь, прегрешения давние –
Запишите меня в ополчение,
Не сверяясь с анкетными данными.
Надвигается темень от запада,
Нет знамен у растерянной родины,
Говорят, что в последнее завтра
Ополчение это уходит.
Кто его поведет – не объявлено,
Кто позвал и построил – не спрашивай,
Но шеренги встают безымянные,
Как ростки на заброшенной пашне.
Подрастают и крепнут в решении,
Наливаются ветром и смыслом.
Запишите меня в ополчение –
Умереть я хочу бескорыстно.
Чьи-то души поют или молятся, –
Чуть доносится издали – слышите?
Выступают пехота и конница –
Поскорее меня запишите.

Со второго курса техфака ушла на фронт Белла Зельбет. Победу встретила в Кенигсберге. После войны закончила МИС и работала в отрасли.

Мы встретимся, друзья, после войны.
Земля не будет вздрагивать от взрывов,
И, словно вновь войною рождены,
Увидим мир и светлым и красивым.
Мы соберемся снова в городке,
Где каждый метр земли сто раз исхожен,
Где волны моря плещут на песке,
Соленый ветер охлаждает кожу.
Пусть эта встреча будет в теплом мае...
Сиреневые свежие кусты.
Мы, может быть, не сразу всех узнаем:
Суровой станут близкие черты.
Серьезный взгляд, обветренные лица,
Мы все придем дорогами войны.
В знакомый дом, покрытый черепицей,
Где мы росли, надеждами полны.
В торжественную радость нашей встречи
Ворвется грусть в суровой тишине.
У девушки невольно вздрогнут плечи –
Мы вспомним о погибших на войне...
И, кажется, они сегодня с нами,
Смеются рядом, шутят, говорят.
Пускай всегда встают перед глазами
Такие же, как много лет назад...

Март 1944 г.

Владимир Андреевич Роменец пришел учиться в Институт стали в военное время. Закончив институт, получил закалку на металлургическом заводе и вернулся в родной МИСиС. Стал доктором технических наук и профессором, двадцать лет был проректором. Заслужил 34 государственных награды. Сегодня он рассказывает о своих студенческих годах.

Когда началась война, мне не было еще пятнадцати лет. Но в 1941 году я поступил в специальную военно-морскую школу, которая находилась в эвакуации. На следующий год – в военно-морское училище в Баку. А потом началась служба. Нас посадили на парусные шхуны ПШ-3, и мы бороздили Каспийское море, ловили нарушителей и браконьеров. В 1942-м меня приняли на 1-й курс эвакуированного Харьковского индустриального института в Чимкенте, в Казахстане.

В 1944 году, после 1-го курса, я поехал в Москву поступать в МВТУ имени Баумана – самый известный московский инженерный вуз. Пришел, а мест нет. Знакомые сказали, что самый интересный теперь – Институт стали. Будешь делать броню, плавить сталь. В 1943 году институт вернулся из эвакуации, был проведен большой набор – больше тысячи чело-

век. Не демобилизованных, а всех, кто не был призван в армию, в основном школьников. В 1944 и 1945-м принимали гораздо меньше – по 400-450 человек. Меня взяли на 2-й курс, начал учиться, участвовал в комсомольской работе, был избран секретарем комитета комсомола института.

В каждом наборе было процентов 30 москвичей, остальные иногородние. Жил в Доме коммуны, тогда он принадлежал двум институтам – нашему и Цветмету. Комнаты на

ДП – талоны дополнительного питания. В институте каждый был обеспечен обедом.

Вячеслав Петрович приходил на наши комсомольские собрания, давал ответственные поручения. Дел у него было много, а райком партии поручил ему проверить 30 организаций района. Он позвал меня и попросил подобрать 30 толковых комсомольцев. Мы все проверили, написали отчеты.

В институте действовал университет культуры. В акто-

Время было непростое

Владимир Андреевич Роменец пришел учиться в Институт стали в военное время. Закончив институт, получил закалку на металлургическом заводе и вернулся в родной МИСиС. Стал доктором технических наук и профессором, двадцать лет был проректором. Заслужил 34 государственных награды. Сегодня он рассказывает о своих студенческих годах.

двоих по шесть квадратных метров. Тесно, конечно. Но жили весело. Там был физкультурный зал. Зал для учебных занятий, столовая. Я как секретарь комитета комсомола института установил правила: каждое утро горн, и все выходили на зарядку.

Учили нас капитально. Все кафедры тесно работали с металлургическими заводами. Была система практик на каждом курсе. Но главное – надо было накормить студентов. В 1945 году ректором назначили В.П. Елютина. Он попросил, чтобы институту дали совхоз, которому мы могли бы помогать и получать оттуда продукты. И мы все работали на полях этого совхоза. Идет сев – помогли с севом. Начинаться уборка – отправлялись копать картошку. По очереди ездили, делали все, что требовалось. Поэтому наша институтская столовая получала дополнительные продукты, а студенты –

вом зале устраивали встречи с артистами, ставили спектакли. Скучать не приходилось. Время было непростое, жизнь тяжелая. Но я о своих годах учебы вспоминаю с удовольствием.

Закончив институт, я поступил в аспирантуру на кафедру экономики и организации производства к И.П. Бардину, был его первым аспирантом на этой кафедре. Но, начав преподавать, понял, что мне не хватает практических знаний, и попросил Ивана Павловича направить меня на производство. На заводе в Днепропетровске работал сначала шихтовальщиком, потом мастером разлива стали и плавильным мастером. Условия были сложные, но за три года я узнал полностью, как работает производство. Через три года Бардин вызвал меня обратно в МИСиС на свою кафедру, которую со временем я и возглавил.

Чтобы помнили

Скромный обелиск из серого гранита во дворе Горного института почти не замечен со стороны Ленинского проспекта. Вот уже несколько десятилетий под сенью лип и акаций с развернутым знаменем в руках в безмолвном строю идут защищать Родину от фашистов юные ополченцы.

Здесь в начале июля 1941-го из добровольцев была сформирована 1-я дивизия народного ополчения Ленинского района. В мае 1967 года на месте ее формирования по инициативе студентов и преподавателей двух вузов – Московского горного института и Московского института стали и сплавов – была установлена памятная стела (скульптор М.Н. Смирнов). К 40-летию Победы, в 1985 году, памятник был реставрирован.

Спустя тридцать лет, в год 70-летия Великой Победы, святое для каждого из нас место было решено благоустроить. С предложением собрать средства на это благородное дело выступили студенты вуза, внесшие первые взносы в копилку пожертвований. Инициатива, как и пятьдесят лет назад, была поддержана коллективом объединенного университета.

Весь апрель во дворе Горного института велись работы по благоустройству территории вокруг обелиска, облагораживалась и зона отдыха перед входом в главный корпус МГИ. Как изменился облик этих мест? На вопрос объединенной редакции газет «Сталь» и «ГС» отвечает проректор по развитию имущественного комплекса **Олег Дмитриевич Абросимов:**

– Мы сделали более строгими формы мемориала: выровняли бордюр, заменили гранитные плиты. Подрезали разросшиеся за годы ветви деревьев, тем самым открыв пространство перед обелиском. Отмыли обелиск от пыли и налета, образовавшегося из-за осадков и агрессивной городской среды. Вдоль мемориала высадили голубые ели, выставили газон. Это придало памятнику месту торжественность. Ночью обелиск снизу будет подсвечиваться двумя проекторами.

Изменения коснулись не только территории мемориала. Мы обновили и всю внутреннюю часть двора – ведь неправильно наводить порядок только в одном месте. На площадке зоны отдыха – вблизи мемориала – вместо бетонных плит выставили газон. Заменили скамейки. По периметру поставили восемь фонарей в стиле XIX века. Постарались привести в порядок весь двор. На благоустройство ушло около 3 млн рублей.

В этом юбилейном году у обелиска вновь соберутся студенты и преподаватели – почтить минутой молчания память тех, кто ушел с этого двора защищать Родину в «сороковые, роковые». И выполненная в металле группа ополченцев продолжит свой путь в бесконечность.

Самый младший лейтенант

Рассказывает сотрудник НИТУ «МИСиС», ветеран Великой Отечественной войны, сын полка, Анатолий Владимирович Блаводский.

Средней Азией и ехать в Москву к моему дядьке. Под Тулой наш состав разбомбили. Мои товарищи потерялись, а я с выжившими солдатами попал в отдельный артиллерийский дивизион, который был в распоряжении ставки главного командования. Нас бросали с фронта на фронт, туда, где были прорывы, потому что у нас были и зенитные орудия, и противотанковые.

Сразу из Тулы мы попали под Курск, там и случилось мое боевое крещение. В части я был на положении воспитанника. Сыном полка уж потом стали называть. Я помогал чем мог: делал перевязки, ухаживал за ранеными. Ко мне сильно привязались девочки-санструкторы, я им помогал не только в работе, но и в личных делах.

В сентябре 1943 года нас отправили на форсирование Днепра. Тем, кто переплывал Днепр, давали Героя СССР. Я тоже хотел вместе со всеми переправляться, но меня вовремя отправили в штаб с донесением.

По-настоящему страшно мне было только однажды. Наш дивизион после взятия Киева отправили на отдых в Дарницу, это на другой стороне Днепра. Там, как только всходила луна, начинались бомбежки, немцы стояли от нас всего в

тридцати километрах. Их целью была проходившая мимо нас стратегически важная железная дорога. После такого отдыха при виде лунного света я вздрагивал несколько лет. А больше мы ничего не боялись: ну стреляют, ну громко, война воспринималась как работа. Работать приходилось много и тяжело. Мне, как ребенку, доставались мелкие поручения: что-то принести, разгрузить, передать. Но иногда я занимался и серьезными вещами, например, научился стрелять из всех видов наземного орудия и разминировать мины. Кроме того, в мои обязанности входило общение с местным населением, маленькая разведка. Я был настоящей бродячей картой, знал все: где минное поле, где неприятель стоит, где деревни, где партизаны. Частенько предупреждал солдат о немцах, которых видел в лесу, или о минных полях.

Конечно, во время боя меня из землянки не выпускали, но проявить себя я все равно смог. Однажды мне довелось самому разминировать несколько мин, не дожидаясь приезда саперов, чем я не только спас нескольких человек, но и научил их обращаться с минами, как когда-то меня научили. После этого случая сослуживцы подарили

мне настоящие погоны, и иначе как младший лейтенант меня никто не называл. Солдаты всех подразделений замечали, что в той батарее, где я находился во время военных действий, никто не погибал. Вот и считали меня своим дивизионным талисманом.

Победа застала нас на границе Германии и Венгрии. До Берлина наша дивизия дошла, когда он был взят. О том, что окончилась война, мы узнали от местных жителей, они все нас поздравляли. Жалкие, запуганные немцами, они очень нас, русских, боялись, им внушали, что мы будем грабить и убивать. Ну а мы от радости очень много пили и стреляли в воздух из всех орудий, грохот по всей Европе стоял жуткий.

После капитуляции наш дивизион еще шесть месяцев находился в Германии. У нас было время посмотреть на быт и на жизнь когда-то вражеского народа. Мы с одним офицером на велосипедах за три месяца проехали всю Европу, очень удивлялись, как целые страны могут располагаться так близко друг от друга. Домой, в Москву, я вернулся уже подростком. Родителей по адресу проживания не оказалось, а так как я еще не достиг совершеннолетия, меня отправили в детский дом. К моему огромному счастью, через некоторое время вернулась мать, а после нее сразу с фронта приехал и отец.

В семье погиб только мой двоюродный брат. Он воевал под Ленинградом, был наводчиком.

Записала Раиса МАЖИРИНА